

Розділ 4 ІСТОРИЧНА УРБАНІСТИКА

Рыженко Валентина (Омск)

**Исследователь в современном
междисциплинарном пространстве:
возможности изучения образов
и пространства города советской эпохи**

Бабюх Віталій (Казань)

**Регіональні особливості
відзначення ювілеїв міст**

Звіряка Анна (Київ)

**Культурний ландшафт
у формуванні території м. Києва**

Валентина Рыженко

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬ В СОВРЕМЕННОМ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ: ВОЗМОЖНОСТИ
ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗОВ И ПРОСТРАНСТВА
ГОРОДА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ**
(продолжение¹)

**Блок 2. Теоретические и историографические аспекты
изучения образов и символики города советской эпохи**

Второй из предлагаемых в данной статье блоков — это углубление в теоретические и историографические аспекты изучения образов и символики города советской эпохи. Историографическая ситуация, сложившаяся на рубеже тысячелетий, способствовала новой постановке обозначенной проблемы. В первую очередь, это связано с упрочением регионологии (регионоведения), возможностью выбора исследовательских моделей, обращением историков к забытым трудам своих предшественников, а также к достижениям культурологии и семиотики. Из специальных публикаций рубежа веков следует выделить два сборника научных статей историографического и методологического характера. Их прочтение позволяет представить многообразие современных подходов и поисков отечественных и зарубежных историков в качестве естественной линии движения научной мысли².

Активизировавшееся в 1990-е гг. внимание исследователей (историков-культурологов) к изучению динамики знаковых и символических признаков культуры определенного места (прежде всего, крупного и столичного города) тесно соприкасается с нашими интересами. Союз исторической науки, культурологии, урбанистики (в варианте «градоведения»), регионоведения, отраслевых историй (градостроительства и искусства) открывает дополнительные возможности при изучении истории культуры XX века, в том числе, связанные с выходом за рамки традиционного социального подхода. Что не означает, разумеется, игнорирования результатов, полученных с его помощью в российской и сибирской историографии культуры и интеллигенции. Обширный эмпирический материал накопила, в

¹ Начало см. Регіональна історія України. — Вип. 3. — К., 2009. — С. 85–112.

² См.: Образы историографии: Сборник статей / Науч. ред. А. П. Логунов. М.: РГГУ, 2000; Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов. Сборник научных статей / Сост. и отв. ред. Г. И. Зверева. М.: РГГУ, 2001.

частности, проблемная советская историография в сфере изучения памятников истории, культуры, архитектуры и градостроительства. В свое время историки региона активно участвовали в паспортизации памятников, среди которых согласно официальным концепциям советской истории приоритетными были мемориальные комплексы и монументы, посвященные ее героям, в том числе обязательные для любого города памятники вождям.

Как уже отмечалось, в 1990-е гг. в число объектов междисциплинарного анализа входит город как социокультурный феномен. Одна из работ автора совместно с В. Ш. Назимовой была специально посвящена рассмотрению новейших подходов к изучению города, предложенных отечественными и зарубежными исследователями³. Ниже продолжу размышления над теоретическими аспектами историко-культурологического изучения российского города, воспринимая его как особый вариант проявления и бытования культуры «Места» и обращаясь к его локальному своеобразию. В то же время попытаюсь обозначить некоторые конкретно-исторические линии, связанные с изучением особых символов культурного пространства отдельных крупных городов-центров Западной Сибири в условиях советской эпохи.

Подчеркну, что специфика российского интеллектуального «фона», в котором с 90-х гг. XX в. наблюдается всплеск поисков междисциплинарных вариантов «делания» собирательного образа города, инициирует оформление различных исследовательских практик. Их исходные и опорные основания зависят от «материнской платы», выбираемой разработчиками. Выделю *основные линии движения исследовательской мысли*, уже приведшие к созданию экспериментальных моделей. При этом важен тот факт, что восприятие города как «очеловеченной природы» (метафора, присутствующая в подходах Д. А. Алисова) отражает одновременно тот самый общий собирательный образ города, от которого отталкиваются исследователи в своих теоретико-методологических построениях, и первостепенную сущностную характеристику одного из сложнейших объектов изучения, имеющего многоуровневую структуру.

Первая линия может быть обозначена как «метафизическая». В составе исследователей, проявивших повышенный интерес к метафизике места, изначально преобладали философы. Однако вскоре среди них появляются историки. Точка отсчета в процессе оформления этой линии — от начала до середины 1990-х гг. Характерной особенностью, определившей масштабы ее распространения, является

³ См.: Рыженко В. Г., Назимова В. Ш. Историко-культурологические подходы к изучению российского города XX века (к проблеме преемственности в науке) // Городская культура Сибири: традиции и новации. Сб. науч. тр. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. С. 66–85.

увлеченность конструированием «Духа Места». Переход к накоплению конкретно-исторической информации для описания «лица не общего выражения» применительно к российским городам, на мой взгляд, обеспечивает право исследователя на создание «своей территории» и соответствующего инструментария для изучения сложных объектов. Отмечу концептуальные построения В. М. Немчинова, соотнесенные им с методиками зарубежных исследований (area studies), что не имеет, по его мнению, в отечественной практике устоявшегося адекватного аналога. Автор увязал проблематику метафизики исторического объекта (в данном случае города как фактора развития социума), с вопросом о том, как переживается пространство, структуры, институты и духовная среда города данным обществом в данное историческое время. Среди высказанных Немчиновым гипотез есть предположение о том, что воспроизведение «тела» города связано с общественными институтами и коммуникативными структурами, которые одновременно «вмещают в себя и душу общества, тот народный дух, который дает силу, возможность маневра и ресурс государству и его атрибутам»⁴. Отсюда вывод о месте и роли топографической привязки с точки зрения метафизического подхода: «Город, собственно говоря, не есть кружок на карте. Это точка роста кристалла цивилизации».

К концу XX — началу XXI вв. в российском интеллектуальном пространстве достаточно явно обозначилось несколько центров, где внедрялись, опираясь на локальный материал, разные варианты моделей этой линии (среди них Саратов, Пермь, Омск). Символическое пространство отдельных городов выступало при этом в виде своего рода копилки их культурно-символической идентичности. Метафизика города трактовалась как «зримое незримого», а различия городов виделись в осознанности метафизики места. Метафизическая линия тесно связана с семиотическими исследованиями. Отсюда сам город определяется как сложный семиотический механизм, создатель, получатель и хранитель информации, мощный генератор культуры, а его пространство представляется хранилищем различных кодов, знаков, реализованных и нереализованных возможностей, иллюзий, мифов и т.д.⁵ Метафизический поворот в философско-культурологическом изучении отдельных городов для выяснения конкретной архитектоники места как интегрального понятия, объединяющего природную, предметно-созидательную, социальную и культурную среды, стал методологической основой в построениях омского искусствоведа и философа В. Ф. Чиркова.

⁴ Там же. С. 239.

⁵ Силкина Л. В. Пространство города как сосредоточие материальных и духовных ценностей цивилизации // Пространственность развития и метафизика Саратова. — Саратов, 2001. — С. 75.

Среди анализируемого им своеобразия архитектоники различных городских пространств выделим характеристику Омска. Ее природный признак в оценке В. Ф. Чиркова⁶ «носит тотально горизонтальный характер», поскольку задан «степным ландшафтом, который вбирает в себя пластически выразительные лесные участки локального характера». Этот признак существенно усилен водными плоскостями рек Иртыша и Оми, закреплен в своей цельности красивой полусферой небесного свода, имеющей в месте «касания» с землей ровную, почти не нарушаемую рельефом прямую. В то же время реальная градостроительно-планировочная структура города не осмысливает степного пространства и всей его природной архитектоники, за исключением набережной и мостов. Интересна мысль автора, что природные, ландшафтные особенности места Омска («не любит определенности в границах»), влекут за собой отсутствие устойчивого пластического символа/знака города. Однако они же способствовали рождению поэтических и художественных образов города, серебристо-серо-голубого колорита их цветовой и «звуковой» (музыка стихов известного поэта, уроженца Омска Л. Мартынова) гаммы. Подчеркну, что появление в моделях этой первой линии искусствоведческих подходов привело к разработке методик специального музейного конструирования и репрезентации образов города и его «культурных слоев». На материалах западносибирских городов, относящихся к категории средних (Г. Лаппо), метафизическая линия развивается в исследованиях культуролога И. Решиковой, которая обращается к образам Новокузнецка (бывшего Сталинска).

Вторую линию в складывании в те же годы междисциплинарных моделей обозначаю уже привычным словосочетанием «гуманитарно-географическая». К настоящему времени она лидирует среди передовых междисциплинарных «территорий» исследовательского эксперимента. Ее отличает особое внимание к изучению образов культурных пространств и ландшафтов. В России конца XX — начала XXI вв. пионерная деятельность сотрудников сектора гуманитарной географии Института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева во главе с Д. Н. Замятиным⁷ существенно обогащает арсенал междисциплинарных опытов за счет теоретических разработок в области моделирования географических образов. Уже представлены результаты апробации соответствующих методик во время полевых экспедиций по отдельным городам Европейской части России. На перспективу это открывает путь к компаративистским

⁶ Чирков В. Ф. Дом: в локусе бытия. Изд. 2-е, исправл. — Омск, 2006. — С. 126–131.

⁷ Гуманитарная география. Сб. науч. тр. Вып. 2. М., 2005; Замятин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. — М., 2006.

исследованиям после изучения образов городов в восточных регионах страны.

Сопоставление подходов мифогеографии (направления, рассматривающего представление о месте как пространственные мифы) и мифологии городского пространства приводит к возникновению новых проблемных полей, представляющих несомненный интерес и для историков. Содержание гуманитарно-географического образа города (Д. Н. Замятин) объединяет систему упорядоченных взаимосвязанных представлений о пространстве и пространственных структурах любого города и систему знаков и символов, наиболее ярко и информативно представляющих и характеризующих определенный город. Городская мифология⁸, трактуемая как важнейшая составляющая урбанистической культуры, есть внесение «человеческого измерения» в городской мир. Одновременно это некая культурная игра, своеобразный диалог между городом и его обитателями. Понятно, что мифология города обладает естественным локальным своеобразием, чаще всего не упорядоченным и не взаимосвязанным, но выраженным в уникальных знаках и символах.

Промежуточное положение между этими двумя первыми линиями занимает своеобразная модель «делания образа города» его обитателями. Е. Пазухин и Е. Жаворонкова, авторы недавно опубликованной книги о Баден-Бадене, демонстрируют игры/диалоги в современном интеллектуальном пространстве «без границ»⁹. Уже в заглавии они подчеркивают, что творят и пускают в жизнь вариант индивидуального культурного мифа. Авторы «строят» образ города как бы «извне» (взгляд со стороны, постоянное сопоставление с Петербургом) и одновременно «изнутри» (переживая вместе с читателями восприятие города его постоянными и временными обитателями — царствующими и сиятельными особами, политиками, известными писателями и прочими деятелями культуры). Они закрепляют реальность мифа стихотворными текстами, вставками «прихотливых арабесок» (выражение издателя книги М. Зенера), сплетенными из былей и небылиц, исторических сведений и анекдотов, гротескных сопоставлений и карнавальных розыгрышей, подборкой собственных фотографий в приложении к книге под принципиальным для их действий названием «Наш Баден-Баден». Примечательно, что в данном случае в «играх» с образами города присутствует и такой вариант как «летняя столица Европы». Замечу, что «деланье» образа «столиц» — это особая линия, которая отражает подъем на «вторую ступень» в процессе конструирования современ-

⁸ Ровинский Д. К. Городская мифология // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 409–419.

⁹ Пазухин Е., Жаворонкова Е. «Будем делать Баден-Баден. Бытие культурного мифа». Rendezvous Verlag Baden-Baden, 2003. 258 с.

ных междисциплинарных моделей образов городов. Привлечение модели конструирования образа европейского города все-таки нельзя назвать случайным для моих рассуждений. Хорошо известно особое символическое значение Баден-Бадена для истории русской культуры и российской интеллигенции.

Третью линию представлю как историко-культурологическую. Ее теоретико-методологической исходной основой становится востребованное «забытое знание» и заимствование элементов исследовательских подходов и практик из «смежных» областей гуманитарного знания и современной урбанистики. В конструировании моделей этой линии применительно к первой трети XX века обнаруживаются отголоски размышлений Освальда Шпенглера¹⁰ и влияние контекста художественной культуры эпохи модерна.

Для современного российского историка, приверженца этой линии, необходимым контекстом, позволяющим комплектовать источниковую базу с ядром в виде «символических текстов», становятся поэтические образы города, городские пейзажи в изобразительном искусстве. Отдельными источниками и маркерами особого пространства крупного российского города XX века служат архитектурные сооружения (их набор расширяется от стиля «модерн» конструктивистскими зданиями и позже постройками «сталинского ампира»). В арсенал историка входит обширный визуальный материал — видовая городская открытка (недавно начали появляться первые специальные подборки таких открыток с чертами советского образа отдельных городов¹¹), уже упомянутые городские пейзажи, любительские фотографии из личных архивов горожан. В их «текстах» отчетливо просматриваются наслоения городского пространства от всех этапов предшествующей истории, вплоть до современной борьбы с ними. Периодическая печать в таком «банке данных» — носитель разнообразных описаний, отражающих как официально предписываемые, зафиксированные в директивно-нормативной документации, желаемые образы советских городов, так и индивидуально воспринимаемые современниками комбинации их реальных неповторимых черт. При этом впервые будет иметь самостоятельное значение информация рекламного блока местной прессы.

Приведу примеры степени информативности газетных публикаций по проблеме образов советского города. В связи с 800-летием Мо-

¹⁰ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы/Пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. — М., 1998. С. 88–114.

¹¹ Так в комплекте «Пермские истории. Виды г. Перми» (2007) имеются изображения, представляющие предпоследний год жизни города под именем «Молотов»; В том же 2007 г. вышел в свет комплект открыток «Омск середины минувшего века. Фотолетопись эпохи».

сквы в томской областной газете «Красное знамя» появляется образ «Томска — сына Москвы»¹², конструируемый журналистом и краеведом А. Р. Пугачевым на основе известного образа Москвы как «матери городов русских». Любопытно, что «сыновний» образ востребован в настоящее время и закреплен в экспозиции молодого музея истории г. Томска, открытого в рамках празднования 400-летия города. Свидетельствует ли это о происходивших в условиях советской эпохи трансформациях образа Томска как «Сибирских Афин»? Или образов, сосуществовавших в то время, было несколько? Из стихотворных публикаций в газете за тот же год можно получить и такой образ советского Томска — «город вузов, фабрик и аллей»¹³. Замечу, что 1947 год был для города юбилейным: ему исполнялось 345 лет. Ответы впереди. Пока ограничусь замечанием относительно необходимости специального исследования образов городов в советских периодических изданиях и в краеведческой литературе, особенно в юбилейных очерках, статьях, путеводителях. В этом случае можно получить как «интеллектуальный конструкт» (подход, близкий к действиям Н. Н. Родигиной), так и вычленив вполне реальный набор реальных примет сложившегося в то время пространства советских городов в их региональной специфике. В итоге (в перспективе) возникнет некий собирательный образ.

Историк, занимающийся проблемами формирования пространства и культуры российских городов второй половины XIX — начала XXI вв. как своего рода «матричных параметров» образов города, близок по исходным посылкам к «метафизической» линии, даже если он не декларирует свою приверженность к ней. Именно поэтому предложенная выше схема движения исследовательской мысли носит условный характер. Отсюда неизбежность дополнительных усилий и распределения предпринимаемых шагов на «территории эксперимента» по «своему усмотрению», но с выделением приоритетов согласно авторской исследовательской модели. Такова модель «Интеллигенция — Культура — Город», о которой уже шла речь выше. Опыт ее применения позволил отразить детали и контекст процесса поэтапного конструирования в региональном культурном пространстве официального столичного статуса и сопутствующего ему образа Новониколаевска/Новосибирска в качестве «столицы Советской Сибири». Столичные притязания других городов также могут быть раскрыты путем сопоставления конструируемых образов и фиксации соответствующих символов.

В российской историографии до сих пор существует определенное недоверие к локальным исследованиям, отождествляющимся, как правило, с эмпирическим краеведением. До сих пор не прекращаются,

¹² Красное знамя. Томск. 1947. 7 сентября.

¹³ Красное знамя. 1947. 1 января.

начавшись в 20-х гг. XX века, дискуссии: «Что такое краеведение? Предмет изучения или метод?». К ним в настоящее время добавился новый блок: «Где искать различия между историческим регионоведением, региональной историей, локальной историей и краеведением?». Однако интрига, пронизывающая современное интеллектуальное пространство, сводится пока к борьбе за приоритет «материнской платы», из которой вырастает либо «историческая регионалистика», либо «региональная история», либо «историческое регионоведение». Появляются труды теоретического характера, как, например, книга новосибирского ученого П. Л. Попова¹⁴. Автор ставит в качестве цели поиск базовых положений, необходимых для теоретического осмысления региональной проблематики, исходит из географических приоритетов. Книга рекомендуется культурологам, философам, социологам, но игнорирует историков. Мне ближе позиция академика В. В. Алексеева относительно изучения региональных проблем в рамках нового научного направления — исторической регионалистики. Об этом уже было сказано. Создание такого направления — миссия исторической науки.

Возобновление старых дискуссий «на новый лад» как признак современной историографической ситуации заставляет вновь напоминать о некоторых подходах к проблемам методологии местной истории, предложенных еще в середине 1990-х гг. С. А. Гомаюновым. Для автора было характерно стремление дать философские основания новой методологии местной истории через оппозицию «целое/часть» (а не общее/особенное). При этом «отношения между целым и составляющими его частями можно определить как нелинейные, когда эффективность взаимодействия зависит не от величины прилагаемых сил, а от качества взаимодействия». В качестве ключевой категории местной истории он назвал тогда понятие «место», подчеркнув, что оно в методологическом аспекте пока не рассматривалось. По всей видимости, он в данном случае имел в виду историков, поскольку представители других областей знания, включая культурологов, обратились к категории «место», в том числе применительно к советской эпохе, на несколько лет раньше. На наш взгляд, помимо стремления доказать научный статус краеведения, подход Гомаюнова ценен для историка-культуролога и иными свойствами.

В первую очередь, это представление ученого о «месте» не только и не столько в виде территории, а отождествление содержания этого понятия с совокупностью людей, осуществляющей определенную историческую деятельность, специфика которой определяет лицо данного «места». Во-вторых, С. А. Гомаюнов поднял вопрос о границах «места» и выводил их, с одной стороны, из действия вмещающего ландшафта, с другой, из специфики духовной жизни местного сооб-

¹⁴ Попов П. Л. Элементы теории регионов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005.

щества, которая устанавливает границу смысла¹⁵. Только отсюда, из второго среза, возможно закрепление смысловой границы в виде символов, одним из которых является имя «места» — топоним. Имена как символы культурного пространства города (особенно урбанимы), их смена (естественная или в форме «топонимической революции») — все это частицы интересующего нас динамичного социокультурного процесса XX века и меняющегося образа города.

Так же, как и Гомаюнов, мы с коллегой В. Ш. Назимовой в своих теоретико-методологических построениях считаем опорной категорией «места». Однако, в отличие от него, нами было предложено использовать словосочетание «местная» культура¹⁶. «Место» является главным в этой паре. Оно воспринимается как первая неподвижная граница окружающего, фиксированная граница части целого (в данном случае — культурного пространства, культурно-цивилизационного ландшафта как важной пространственной характеристики образов территориально-поселенческого развития культуры).

Одной из особенностей исследовательской ситуации второй половины 1990-х гг. в интересующем нас направлении стала публикация итоговых результатов крупных исследовательских программ. Выше уже шла речь о работах московского коллектива ученых под руководством Э. В. Сайко, в которых представлены варианты теоретико-методологических моделей изучения города как социокультурного явления и части мирового, регионального и локального культурного пространства¹⁷. Одна из очередных коллективных монографий, продолжающая этот цикл, была посвящена новой и сложной проблеме — город как носитель динамических потоков социальной эволюции¹⁸. Наиболее полезной для историков и культурологов, намеренных изучать реальное и символическое культурное пространство города, оказалась парадигма, предложенная и развиваемая Т. И. Алексеевой-Бескиной¹⁹. Напомню, что она определила ключевой механизм социальных систем — неизменный элемент системы при любых ее трансформациях и модификациях — со-

¹⁵ Гомаюнов С. А. Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 158–163.

¹⁶ Рыженко В. Г., Назимова В. Ш. История «местной» культуры как предмет культурологического анализа // Четвертые Омские искусствоведческие (культурологические) чтения: Местная культура. Методология, история, практика. Омск, 12–14 ноября 2001 г.: Сборник материалов. Омск, 2002. С. 33–36.

¹⁷ См.: Город как социокультурное явление исторического процесса / РАН. Научный совет по комплексной проблеме «История мировой культуры»; Отв. ред. Э. В. Сайко. М.: Наука, 1995; Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М.: Наука, 1999; Социокультурное пространство диалогов. М.: Наука, 1999.

¹⁸ См.: Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики / Э. В. Сайко. М.: Наука, 2001.

¹⁹ Там же. С. 71–162.

циогеном, в котором обобщены некие социопрограммы. Концентраторами информации социопрограмм при таком видении предстают города во всей сложности их жизнедеятельности, с перманентными изменениями, особенно интенсивными в переходные периоды истории.

Любопытно, на мой взгляд, сопоставить с такой теоретической установкой представления об образе современного Новосибирска, которые попытались зафиксировать создатели небольшого фильма телекомпании LBL-Сибирь «Город, где я»²⁰. Одно из них: «Город, рожденный железной дорогой, на генетическом уровне впитал «синдром транзита»». Другое, не менее важное для различения «портрета» и «образа» города: «Новосибирск еще действительно до конца не нашел себя. И потому картины о нем не рисуются и песни не пишутся». Наконец, следует завершающее перечисление возможных черт портрета/образа как: города больших возможностей и больших амбиций; одного из самых образованных городов России (претензия на современные сибирские Афины? — В. Р.); города, постоянно растущего и меняющегося (это совпадает с моими наблюдениями за этим городом на протяжении с середины 80-х до настоящего времени — В. Р.); города, который научился зарабатывать деньги, который с радостью принимает все новое и является предельно толерантным в плане культуры; города, который любит своих обитателей и ничего не требует взамен. Такой вариант возможного образа Новосибирска в виде «лирической зарисовки», как определил свою идею автор фильма Б. Комаров, может соотноситься с изучением социогенома регионального центра, а также с историей формирования всех перечисленных черт.

Есть и другие общетеоретические построения, не попадающие в поле зрения социальных историков еще и по причине действия прежнего стереотипа, согласно которому историк-профессионал не должен увлекаться теорией. Его задача — это занятия, главным образом, архивными разысканиями и анализом обнаруженных письменных источников. Не оспаривая правомерность такого подхода, замечу, что, во-первых, внутри современного сообщества историков утверждаются новые взгляды на профессиональные практики, и, во-вторых, в своих поисках я исхожу из понимания источника как сгустка информации, материализованные формы которого могут быть предельно разнообразными. Более того, для историко-культурологического анализа интересующей нас проблемы складывания образа и символического пространства городов особое значение имеет скрытая и вторичная информация, содержащаяся в монументальных сооружениях (включая город как синтетический источник) и свидетельствующая о трансформации смысла того или иного элемента пространства «Культуры Места».

²⁰ Коньякова Т. Городской романс. О Новосибирске без пафоса и официоза // Вечерний Новосибирск. 2008. 24 апреля. С. 22.

Несомненно, используются и традиционные письменные источники в полном соответствии с их видовой классификацией. Сразу же укажу, что для восстановления истории складывания символического пространства отдельных городов Западной Сибири в деталях и подробностях привлекаются и делопроизводственные материалы, извлекаемые из архивохранилищ. Весьма информативными оказались документы из фондов Государственного архива Новосибирской области (ГАО): Западно-Сибирской Краевой плановой комиссии (Ф.Р-12), Новониколаевского губернского отдела коммунального хозяйства (Ф.Р-1124), Новосибирского отделения Союза архитекторов СССР (Ф.Р-1444), Новониколаевской окружной плановой комиссии (Ф.Р-1980), личного фонда архитектора Е. А. Ащепкова (Ф.Р-2102). В качестве специальной группы внутри источникового комплекса используются региональные отраслевые исследования — труды искусствоведов и историков архитектуры и градостроительства. Обоснование междисциплинарного подхода с указанием на то, что отраслевая информация содержит сведения о знаковых фигурах, влиявших на символику культурного пространства и создающих его мифологию, было дано в совместном докладе автора и В. Ш. Назимовой на научной конференции в Екатеринбурге «Культура и интеллигенция России XX века как исследовательская проблема: итоги и перспективы изучения» (30–31 мая 2003 г.)²¹. Прошедшие годы еще более укрепили меня в мысли о важности привлечения подобных изданий при действиях в интердисциплинарном проблемном поле.

Стоит еще раз подчеркнуть, что уже с середины 1990-х гг. представители различных областей знания, в том числе гуманитарных наук, начали использовать (в большинстве случаев независимо друг от друга) термины «место», «культурное пространство», «культурный ландшафт». В качестве подобных примеров, оказавшихся наиболее близкими нашим поискам и теоретическим построениям, назовем оригинальные тексты В. Л. Каганского, созданные в рамках теоретической географии («географического пространствования» — активного «чтения» ландшафта, ориентированного на концептуальное освоение его разнообразия) и содержащие среди прочего концепцию ландшафта советского пространства²².

²¹ Рыженко В. Г., Назимова В. Ш. О возможностях использования отраслевых исследований в современных историко-культурологических опытах изучения интеллигенции сибирского города // Культура и интеллигенция России XX века как исследовательская проблема: итоги и перспективы изучения. Тезисы докл. науч. конф., посвящ. 85-летию со дня рожд. проф. Л. М. Зак и 70-летию со дня рожд. проф. В. Г. Чуфарова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 37–40.

²² Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 135–154.

Определяя ландшафт как живую среду мест, пронизанных смыслом живущих в них людей, В. Л. Каганский предлагает видеть в советском пространстве воплощенную в материале вещей, знаков, людей и пространства схему — не территорию СССР, а качественно и структурно особый тип пространства и состояния культурного ландшафта. Автор исходит из существования семи основных культурных практик-подходов к постижению культурного ландшафта. В ряде из них он находит близость к семиотике, к интерпретациям всего как текста, что дает основания показать концептуальные образы ландшафта, взращенные в конкретных местах. Подходом, ориентированным на многоаспектное и полимасштабное включение в ландшафт, для автора является «геоморфизм — познавательльно ориентированная рефлексия бытия ландшафта», реализуемый с помощью «путешествования»²³. Подобная методика своеобразных натуральных «обследований» вполне может использоваться при рассмотрении вопроса о трансформациях знаковых символов городского культурного пространства советской эпохи, а также образа города в целом в постсоветской российской истории.

Ракурс видения культурного пространства современной России как сферы советского пространства — мира блоков, деталей, обломков, мучительно устанавливающих новые связи, который предлагает Каганский, во-первых, принципиален для историко-культурологического изучения интересующей нас проблемы. К числу «деталей и обломков», несомненно, принадлежат материализованные символы советской эпохи — унифицированные ориентиры в культурном пространстве городов СССР. Несмотря на их унифицированные свойства и, прежде всего, идеологический смысл, среди них могут оказаться неожиданные символические сооружения, которые придают уникальность образу города. Для Западной Сибири подобный пример обнаружен мною во время поездки и «натурного» знакомства с пространством Новокузнецка (бывшего Сталинска, когда-то задумывавшегося как «соцгород»). Речь идет о памятном знаке СССР. Мотивации его установки и их связь с концепцией сталинской культуры требуют специального рассмотрения. Пока же отмечу, что факт наличия уникальной черты в образе города, носящем уже иное название по сравнению с советской эпохой, очевиден как некий маркер сохраненного «советского Духа Места».

Замечу, что построения В. Л. Каганского созвучны пониманию тесных родственных связей истории и географии, характерному для отечественной историко-культурологической мысли 1920-х гг. О методике изучения историко-культурных ландшафтов в широком смысле этого понятия, включая природно-культурные комплексы, писали уже упоминавшиеся мною в разных публикациях И. М. Гревс и Н. П. Анциферов. Н. П. Анциферов, например, еще в 1924 г. указывал

²³ Там же. С. 47.

на «язык форм города», включая сюда направление его улиц, формы площадей, силуэты застройки, ландшафт завода и окружающего района. Он указывал на информационную значимость топонимического языка города, придающего своеобразие признакам городского пространства, совокупность которого формирует «Дух Места».

Потребность вернуть такое понимание и расширить сферы взаимодействия географии с другими гуманитарными науками просматривается в работах современных исследователей, соединяющих историю с географией при изучении русского искусства, культуры, этнокультурных процессов. Для историков и культурологов полезно знакомство с трудами С. Я. Суцего и А. Г. Дружинина, Ю. А. Веденина²⁴.

Другая линия в современных публикациях, которую характеризует наличие перечисленных выше терминов в исследовательском инструментарии в качестве ключевых понятий, связана с философскими аспектами изучения специфики российского историко-культурного процесса и с культурной антропологией. Вновь обращаюсь к тем подходам, суть которых связана с перспективами историко-культурологического изучения символики городского пространства в контексте общей истории культуры России и близка нашим исследовательским поискам второй половины 1990-х гг. Подчеркну, что большинство из анализируемых подходов, как правило, формировалось под влиянием семиотической школы. Таковы рассуждения, предлагаемые А. В. Бабаевой: «Человек создает и существует в культурном пространстве как определенном символическом мире» и «Человек воспринимает знаковую систему пространства как внешний мир, не задумываясь о том, что центром пересечения символических знаков, циркулирующих текстов, является он сам. В процессе жизнедеятельности он создает неповторимый текст культурного пространства»²⁵. При этом автор подчеркивает, что пространство — это текст, воспроизводящий глубокие культурные смыслы. Правильная интерпретация текста культурного пространства, по ее мнению, «позволяет увидеть глубинные структуры человеческого общества, понять «душу» культуры». Раскрывая содержание культурного пространства, она выделяет в нем ценности, нормы, поведенческие эталоны, различные системы знаков, вещи, включая вещи-символы, а также указывает на то, что человек, организовывая окружающее пространство, создает некую знаковую систему, становящуюся еще одним текстом культуры²⁶.

²⁴ См.: Суцкий С. Я., Дружинин А. Г. Очерки географии русской культуры. Р-на-Дону: Изд-во Сев.-Кавказ. науч. центра высшей шк., 1994; Веденин Ю. А. Очерки географии искусства. СПб: Рос. науч.-исс. ин-т природ. и культ. наследия, 1997.

²⁵ См.: Бабаева А. В. Формы поведения в русской культуре (IX–XIX века). СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 21.

²⁶ Там же. С. 22–23.

Такой подход современного философа, привлекающего для его апробации материал истории русской культуры IX–XIX вв., стимулирует дальнейшее расширение опорного материала и обращение к XX веку. Это укрепляет нас в правомерности избранной нами линии по изучению интересующей нас проблемы. При этом для нас на первый план в предметной области историко-культурологического исследования выходит не только первичный «текст» пространства, но и те процессы, которые отражают деятельность людей по созданию вторичной знаковой системы — созданного в период строительства и упрочения советского общества символического «текста» культурного пространства города.

Взгляды отечественных и зарубежных культурологов, ученых, входящих в Международную Ассоциацию семиотики пространства, на категорию пространства как особо значимую для культуры XX в. мы уже рассматривали в предыдущем блоке. Однако уместно еще раз привести одно из суждений немецкого ученого Карла Шлегеля, к которому следует прислушаться современным историкам²⁷. Он считает, что реальная пространственная сложность локально обусловленного исторического процесса, его топография, наиболее адекватно передающая плотность и сложность исторической жизни, пока практически не изучаются.

Если учесть, что преимущественное внимание исследователей и в начале XXI в. уделяется столичным центрам, а в Сибири историко-культурологические изыскания подобного рода только разворачиваются, вывод Шлегеля дополнительно актуализирует разработку интересующих нас аспектов локальных культурно-исторических процессов в хронологии XX века и на материале отдельных городов-центров региона. При этом вполне правомерно вначале отдельно обратиться к культурному пространству одного регионального города-центра и выбрать для этого Новосибирск, являвшийся особым символом — символом «столицы» Советской Сибири. Любопытную версию истоков символической специфики этого города, связанную с личностным и географическим факторами одновременно, предложил в своих заметках, помещенных в книге «Карта Родины» (М., 2003), известный эссеист Петр Вайль. Выбор места будущего города, сделанный «тогдашним физиком-лириком, инженером и писателем» Н. Гариным-Михайловским, он объяснил тем, что место «неподалеку от сельца Кривощеково <...> находилось ровно на 55-й параллели. Единственный мотив — пифагорейская красота цифры»²⁸. В этой части заметок есть и другая субъективная оценка-символ — «город

²⁷ Шлегель К. Петербург — Берлин. 1900–1935: Контакты и влияния // Санкт-Петербург: окно в Россию: Материалы международной научной конференции, Париж. 6–8 марта 1997 г. СПб.: «Феникс», 1997. С. 219–234.

²⁸ Энск. Веселые ребята // Вайль Петр. Карта Родины. М.: Изд-во Независимая газета, 2003. С. 121

без лица». Так вылепилось, по выражению Вайля, в 30-е гг. «конструктивистское нечто, призванное стать правильным, освобожденным от прошлого, городом без лица — Новосибирск, Энск. В безымянности сокращенного самоназвания — конечно, ирония, но еще в большей степени гордыня. <...> Энск сразу поставил себе две пятерки, расположившись на своей широте, — и в качестве незыблемого отличника успокоился насчет обретения индивидуальности. По сути, дело было сделано. Тем более, что силы, брошенные сюда в 30-е, понимали строительство столицы Сибири как задачу не локальную и даже не общегосударственную, а коммунистически-космическую»²⁹.

Такое восприятие символики данного «Места» со стороны, представителем поколения советских «шестидесятников», позже по духу и образу жизни космополитом (в смысле — человеком «мирового города») интересно сравнить с ощущениями создателей Новосибирска как главного города Сибири. Стал ли он действительно «городом без лица» («без образа») и произошло ли это именно в 1930-е–1950-е годы? Ответы на эти вопросы впереди.

Пока же приведем еще одно суждение о символике Новосибирска как особого города. Оно принадлежит журналисту А. В. Никулькову, связанному с городом родственными узами: «Новосибирск был и остается полигоном, на котором вначале испытываются широкомасштабные программы, чтобы потом стать общим достоянием Сибири, а то и всей страны»³⁰. Автор предварил свою книгу о Н. М. Гарине-Михайловском — «отце-основателе» Новосибирска — очерком истории самого города, в котором явно предстают своеобразные черты, а не безликость Новосибирска. Не отмечена у него и магия 55-й параллели, очаровавшая Гарина-Михайловского. Зато есть в его книге «ненаучная», по его словам, концепция относительно действия генетического кода наследственности в историческом характере городов, по которой Новосибирск возрос на острие технического прогресса своего времени — на железной дороге. Для работ теоретиков архитектуры и градостроительства такой подход вполне естественен. Ген сибирской «столицы» органично соединяется не только с железной дорогой, но и с мостом.

Поэтому в реальном и символическом пространстве города характерной чертой его образа, уникальным знаком становится еще и вокзал. Примечательно, что само здание вокзала — символ трансформаций художественно-эстетических установок от периода «горячей» строящейся новой культуры к застывающему канону «Большого стиля». Завершение художественной отделки здания вокзала пришлось на военные годы, и в его интерьерах присутствовала тема подвигов героев-сибиряков, Советской Сибири в годы Великой

²⁹ Там же. С. 122.

³⁰ Никульков А. В. Н. Г. Гарин-Михайловский. Современник из прошлого. Новосибирск: Новосиб. книжное изд-во, 1989. С. 35.

Отечественной войны³¹. «Сибирское Чикаго» и одновременно «Город-акселерат» со своей специфической средой и ритмами повседневной жизни — так воспринимает Новосибирск молодая современная исследовательница Е. И. Красильникова (Косякова)³². Выше уже упоминались современные символы образа города, зафиксированные в энциклопедическом справочнике о региональной столице.

Свидетельством того, что интерес новосибирских исследователей к городской символике не уникален, являются упоминавшиеся уже исследования ученых Саратова. Культура Саратовской области, проблемы региональной идентичности и мифологии были предметом исследования паттернов регионального развития в международном проекте, осуществлявшемся с середины 1990-х гг. на материалах четырех российских регионов. Его результаты были опубликованы в 2001 году³³.

Ученые предлагают рассматривать специфику Саратова в качестве ресурса развития и перейти к разработке технологии использования культурно-символических ресурсов губернского центра и губернии как целого³⁴.

Не случайно статья Т.П. Фокиной, открывающая третий раздел сборника «Символы и миф региональной идентичности», названа «Метафизическое саратововедение и личностная позиция»³⁵. В ней смысл исследований метафизики города раскрывается как возможность опознавать место через его мифы и символы, а также осознавать мифы и символы как дее-творимые и адекватные (или неадекватные). Автор предлагает, пользуясь концептом культурно-символического пространства, свою модель изучения его метафизических измерений, которая включает основные культурные матрицы, на основе которых происходит идентификация и самоидентификация города. Таковых в авторской модели всего десять. Среди них: «город-место, город-имя, город-тело, город-текст, культурные символы пути города, миф города,

³¹ ГАНО. Ф.1743. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–3.

³² *Косякова Екатерина*. Новый быт Сибирского Чикаго. Очерки городской повседневности Новосибирска между войнами. Новосибирск: Издательский Дом «Сибирская горница», 2006. 240 с.; Красильникова Е. И. Жизнь в городе-акселерате: обеспечение потребностей новосибирцев в межвоенное время (конец 1919 — первая половина 1941 г.). Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008. 256 с.

³³ См.: Политика и культура в российской провинции. Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская области / Под ред. С. Рыженкова, Г. Люхтерхандт-Михалевой (при участии А. Кузьмина). М.; СПб.: ИГПИ: Летний сад, 2001. С. 95–148.

³⁴ *Фокина Т. П.* Метафизические измерения культурно-символического пространства Саратова // Пространственность развития и метафизика Саратова. Указ. сб. С. 57.

³⁵ Там же. С. 84–87.

символические личности города, Саратов и окоица, город-организация, постмодернизм в Саратове»³⁶ Содержание этих матриц вполне соотносимо с экспериментальными программами изучения города, предлагавшимися петроградскими историками-культурологами в 1920-е гг., которые включали изучение «статуарного и динамического» ландшафтов³⁷.

Утверждение о том, что такая рефлексия отличает именно Саратов, разумеется, следует воспринимать осторожно. Оно может относиться и к другим городам, например, к Перми, где ведутся интенсивные исследования «пермского текста в русской культуре», включая его эволюцию в XX веке и перестройку в советскую эпоху. Пермские исследователи, рассматривающие локальные тексты как отражение «мифологии места» на стыке семиотики культуры, культурологии и литературоведения, занимаются поисками мифопоэтических основ моделей территориальной идентичности. Так, В. В. Абашев посвятил обоснованию понятия пермского текста отдельную книгу «Пермь как текст» (Пермь, 2000). Автор исходит из посылки, что каждый локус в своей культурно-исторической жизни генерирует текстуально организованную систему значений — локальный текст. В другой своей работе он обращает внимание на то, что в формировании образов Перми, в том числе советской, ведущую роль играет литература и в первую очередь поэтическое творчество³⁸. Для изучения «Культуры Места» полезным окажется и другое суждение В. В. Абашева: «В рефлексиях по поводу собственной природы место продуцирует речь о себе, описывает само себя. Формируется своеобразный локальный дискурс. Его можно определить как своего рода локодицею, так как в его основе лежит стремление оправдать свою жизнь именно здесь, а не где-нибудь в ином месте».

Обращение к наследию петроградских культурологов о «Местах Памяти» — характерная примета современности. Оборванные нити соединяются с новыми поисками, давая возможность перехода к многомерному видению изучаемого сложного объекта. Замечу, что совсем недавно известный немецкий историк Отто Герхард Эксле подчеркнул приоритетную роль петроградских ученых И. М. Гревса и Н. П. Анциферова в начале изучения «Мест Памяти»³⁹. Аналогичный интерес к теоретическим (философским) аспектам городской культуры и путям ее культурологического изучения прослеживается и в сибирских исследованиях. В частности, такова была попытка, предпринятая еще в

³⁶ Пространственность развития и метафизика Саратова. Указ. сб. С. 58.

³⁷ См.: Анциферов Н. П. Как изучать свой город. М.-Л., 1929.

³⁸ Абашев В. В. Пермский текст в русской культуре // Русская провинция: миф — текст — реальность. М. — СПб, 2000. С. 319.

³⁹ Эксле Отто Герхард «История памяти» — новая парадигма исторической науки // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 309–310.

1993 г. учеными Томского университета Л. К. Антошук и Т. В. Безменной. Они показали, что выработка научного подхода к феномену города как к особому рода динамическому целому имела место в начале XX века, однако дальнейший переход к узкопрофессиональному изучению города с точки зрения отдельных наук привел «к размыванию самого понятия «город» именно как историко-культурного целого в его динамике».

Авторы предложили говорить о городе, используя термин «городская культура» как тождественный самому городу во всем многообразии его функций и проявлений, а понятие «городская среда» в этом случае будет носить подчиненный ему характер и выступать как один из уровней осмысления феномена города. Они выделили 7 направлений, раскрывающих типологические особенности осмысления городской культуры — историко-археологическое, градостроительное, социологическое, семиотическое, средовое, экологическое и экономико-географическое. По мнению авторов, описать городскую культуру адекватно можно, только синтезировав все эти подходы, определив их единый вектор, и такая тенденция наметилась в виде возникновения «пограничных сфер», где присутствуют проявления нескольких подходов.

Наиболее интересен для нас вывод авторов относительно того, что «любая попытка научного описания города по сути дела является порождением самой городской культуры, это всего лишь одно из отражений в общем зеркале рефлексии». Задачу культурологического подхода они увидели в том, чтобы «прочитать в этом зеркале общую закономерность возникновения отражений, попытаться увидеть их соотношения»⁴⁰. Причем проблема состоит, по их мнению, не в том, чтобы создать еще одно новое зеркало, а в попытке «развернуть уже существующие зеркала таким образом, чтобы в них отразилась как можно более полная и целостная картина города как способа бытия».

Для историко-культуролога полезно учесть теоретические построения томских коллег-философов относительно особого значения такого варианта отражения «в развернутых зеркалах» как **городская саморефлексия**. Авторы связывают со сферой рефлексии возникновение **культурного субъекта**, мироощущение которого определяется не только воспитавшей его культурной средой, но и осмыслением ее, обязательно проникнутым «интенцией изменения, пересоздания культурной действительности»⁴¹ (Выделено мною — В. Р.). Отсюда следует, что современный ученый, занимающийся анализом культуры города, выбирает ту или иную исследовательскую модель в соответствии с характером и масштабом его собственного рефлексивного осмысления города как сгустка разнообразной информации.

⁴⁰ Антошук Л. К., Безменова Т. В. Культурологический подход к описанию городской культуры // Дефиниции культуры: Сборник / под ред. Э. В. Бурмакина и А. К. Сухотина. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1993. С. 189–198.

⁴¹ Там же. С. 194.

Выбор среди этих моделей сегодня все чаще решается в пользу метафизики города как наиболее насыщенного рефлексией направления. В сибирском регионе самый наглядный пример реализации метафизических построений связан с деятельностью известного омского искусствоведа В. Ф. Чиркова по созданию городского музея художественно-культурологического типа, концепцию которого пронизывает идея Духа Места, а ее отражению посвящена собирательская, научная и выставочные практики музея. Теоретические (философские) результаты проникновения в метафизику «Места» были обобщены В. Ф. Чирковым в диссертационном исследовании, защищенном в 2002 г., а позже в расширенном виде и на новом витке рассуждений представлены в упоминавшейся выше монографии «Дом. В локусе бытия».

На наш взгляд, это как раз тот случай, о котором пишет Т. П. Фокина: «Под метафизикой города в региональном залоге мы понимаем попытку усилием мысли и чувства, усилием духа разгадать, что именно составляют или представляют собой базовые, онтологические ценности данного места, как они манифестируются в символах и мифах данного города, в его имени и положении, теле и устройстве, организации и символических фигурах и тому подобных феноменах»⁴². Одновременно омская исследовательская ситуация являет собой самостоятельное и **другое** ответвление. Тем более, что помимо философских здесь присутствуют историко-культурные и культурологические практики проникновения в пространство «Культуры Места». В их числе и предпринимаемые нами действия.

Предложенное томскими философами деление рефлексии на два типа осмысления города как бытия (специализированный и синкретический) может оказаться эффективным для историка-культуролога при поиске необходимого инструментария и комплектовании источниковой базы историко-культурологического исследования. Отмечу, что ко второму — синкретическому, более древнему и традиционному, типу авторы относят описания (художественные и публицистические). Сюда же они включают визуальные изображения (городские пейзажи). Таким образом, уникальная сфера эмоционального восприятия городской действительности предстает в образах, мифах, легендах, ритуалах и профессиональных действиях по изменению облика города. Фиксирующая их информация вполне доступна для анализа. К специализированным типам авторы относят различные научные подходы, из которых наиболее синтетическим является семиотический, при котором город воспринимается как определенная целостность, знаковая система, противопоставленная другим системам или, по крайней мере, не смешивающаяся с ней⁴³.

⁴² Пространственность развития и метафизика Саратова. Указ. сб. С. 84.

⁴³ Дефиниции культуры... Указ. сб. С. 195.

В завершающей части второго блока вернусь к вопросам теории и истории символики культурного пространства советского города («соцгорода» как отдельного поселения или особого района в крупном городе). Методологически важно исходить из того, что двойственность, а точнее, многослойность «текста» советского города (в разнообразных его вариантах) содержит динамически менявшиеся признаки вполне реального и одновременно символического городского пространства — «Места организации социалистического типа расселения». Здесь в проектном представлении предполагалось одно пространство, а в итоге формировался другой мир, своя культура повседневности и социокультурные ориентиры горожан — его обитателей.

Для изучения образов и облика городов заслуживает внимания история планировки и застройки их пространства в целом и его отдельных частей, в частности, центральных площадей. Приведем лишь один пример. В связи с обсуждением в 1930 г. на заседании Научно-технического совета при Главном управлении коммунального хозяйства НКВД проекта левобережного Новосибирска, который должен был строиться на принципах «соцгорода» и «на базе возникающего Сибкомбайна, а в ближайшее время также ряда других промышленных предприятий», проектировщикам предлагалось отразить в плане эмблемы переживаемой эпохи — в форме серпа и молота и пятиконечной звезды⁴⁴. Ответ одного из авторов проекта — инженера Бабенкова — отражал другую позицию: «Проектировать города в виде серпа и молота и звезды — нами отвергается категорически, это вульгарное представление о том, что город будет идеологически выдержан»⁴⁵. Хотя столь прямолинейную символику в дальнейшем отвергли, тем не менее, идеологические акценты в градостроительстве доминировали. Общая установка оформилась в таком виде: тенденции эпохи и идеологию должны выражать архитектурные сооружения, а план социалистического города должен отличаться от капиталистического тем, что в центре должны быть не деловые и торговые, а культурные учреждения.

До недавнего времени изучением отдельных элементов советского пространства — специального типа жилища (дом-коммуна) для советского «соцгорода» занимались историки архитектуры и градостроительства. Наиболее авторитетны работы В. Хазановой, посвященные архитектуре первых лет советской власти и первой пятилетки. В одной из книг (М., 1980) она подробно характеризует дискуссию о социалистическом расселении. Ей же принадлежит авторство специальной книги об архитектуре клубов (городских и сельских) — новых Дворцов для рабочих, мест, без которых не мыслился идеальный социалистический «город-дом» и которые должны

⁴⁴ ГАРФ. Ф.Р-4041. Оп. 9. Д. 69. Л. 1, 40.

⁴⁵ Там же. Л. 49–50.

были стать «вторым домом» и одновременно «школой городской культуры»⁴⁶. Несомненно, здания клубов становились знаками-маркерами для культурного пространства города.

По мнению В. Хазановой, для 1920-х-1930-х гг. клубы нельзя рассматривать вне связи с парками культуры и отдыха⁴⁷. В приведенном выше фрагменте об обсуждении проекта левобережного «соцгорода» для Новосибирска вопрос о зеленой зоне трактовался именно как создание Центрального (физкультурного) парка, а в целом был сделан вывод, что «проектируемый город с окружающей город зеленью по всему контуру, внутригородской зеленью общественного значения, уличной зеленью и внутриквартальными зелеными участками превращается действительно в город-сад»⁴⁸. По мнению некоторых зарубежных ученых, например, американского исследователя советской архитектуры Милки Близнаковой, идея «города-сада» относится к идеологическим символам новой эпохи, как и дом-коммуна⁴⁹. По всей видимости этот вопрос требует поиска дополнительных материалов, в том числе раскрывающих представления архитекторов и градостроителей в провинции о городе-саде. На наш взгляд, «город-сад» 1910-х — начала 1920-х гг. и советский «город-сад», желаемым образом которого выступал строившийся Новокузнецк/Сталинск, это разные социокультурные феномены.

Городским материалом для книги В. Хазановой о клубах послужили «образцовые» столичные проекты, а также проекты клубов крупных предприятий. Из сибирских примеров имеется лишь одна фотография Дворца культуры в Сталинске — монументального сооружения 1936 г.⁵⁰. В сибирской историографии внимание уделялось роли рабочих клубов в социалистическом культурном строительстве, а не их образу в качестве элемента символического пространства города. В настоящее время история клубной жизни региона изучается в контексте истории повседневности (В. И. Исаев). Пора обратиться и к историко-культурологическому анализу региональной специфики феномена клуба — Дворца культуры в пространстве города советской эпохи.

В этом отношении стоит снова вернуться к символике пространства Новосибирска. В ней и в истории ее складывания в советскую эпоху есть примечательный элемент из разряда «столичных» признаков — театр оперы и балета, задумывавшийся как Дом культуры и

⁴⁶ Хазанова В. Клубная жизнь и архитектура клуба 1917–1941. М.: Изд-во «Жираф», 2000. С. 2, 63.

⁴⁷ Там же. С. 95.

⁴⁸ ГАРФ. Ф.Р-4041. Оп. 9. Д. 69. Л. 75.

⁴⁹ См.: Близнакова М. Советское жилищное строительство в годы эксперимента: 1918–1933 // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. Монографический сборник. М.: «Три квадрата». 2001. С. 55.

⁵⁰ Хазанова В. Клубная жизнь и архитектура клуба 1917–1941. Указ. соч. С. 110.

науки (ДКиН). Интересное объяснение потребности в такой постройке в Новосибирске находим в работе сибирских историков градостроительства и архитектуры С. Н. Баландина и В. С. Баландина, посвященной истории строительства новосибирского театра оперы и балета. Авторы подчеркивают: «**Не случайно в 20-е годы и появилась потребность** с постройкой Дома культуры и науки, Большого театра Сибири, придать городской среде новое эстетическое значение, точнее — **придать городу новый образ, подчеркнуть необыденное его восприятие**, отличие от повседневности. Поэтому при обсуждении предложений по строительству ДКиН стремились к пространственному обособлению этого сооружения, рассматривали его как эстетический центр архитектурного ансамбля города»⁵¹ (Выделено мною — В. Р.). И далее авторы указывают, что программа строительства, подготовленная специально созданным при Сибкрайисполкоме Комитетом содействия («комсодом»), расширялась и дополнялась вплоть до решения создать большой культурный центр сибирского масштаба под названием Дом культуры и науки (ДКиН).

В этом, казалось бы, и ранее хорошо известном в региональной историографии факте, отражено изначальное, в данном «Месте» возникшее, желание заложить «столичный» элемент в региональной символике, по грандиозности (или, как пишет П. Вайль, имперскому размаху) не имеющий аналогов культурно-зрелищный комплекс в первоначальной задумке. По оценке одного из современных авторов, «проект ДКиН в конечном итоге воплотился в уникальное, со вторым после римского Пантеона куполом, здание Новосибирского государственного академического театра оперы и балета, которое стало воплощением коренного принципа высокого зодчества — «духа места»⁵². Можно считать, что символический замысел, несмотря на резкий идеологически мотивированный переход от конструктивизма к сталинскому ампиру («большому стилю»), благополучно реализовался в один из главных и до сих пор символов в пространстве столицы Сибири.

С этой точки зрения, как уже указывалось выше, культурное пространство Новосибирска — главного города советской Сибири — заслуживает специального внимания историков-культурологов как в целом, так и по отдельным, знаковым сооружениям. К ним, безусловно, относятся Дом Ленина, мемориальный сквер Героев революции, новое здание железнодорожного вокзала. Пока же отметим еще одну точку зрения на символическое значение Дома культуры и науки, высказанную современным архитектором В. М. Пивкиным: «"Большой

⁵¹ Баландин С. Н., Баландин В. С. Новосибирск: что остается в наследство?... История строительства и архитектуры здания театра оперы и балета. Новосибирск, 1990. С. 18.

⁵² Винников Н. И. Истоки и лики архитектуры Новосибирска // Новосибирская область в контексте российской истории. Новосибирск, 2001. С. 211.

театр Сибири” — явление со всех сторон уникальное. Его проектирование и строительство, вся его история — социально-культурный феномен. В нем реализовались не только научно-технический прогресс своего времени, но и эпоха, во всей ее сложности и противоречивости. Под стать уникальности здания уникальны и судьбы людей, его создавших. <...> На них пал жребий времени, которое пыталось их по всем составляющим жизни. Может быть именно поэтому воздвигнутое ими здание для них было особо значимым, заключало в себе особый, почти сакральный, смысл, было родным, близким, одушевленным, так что в нем порой они видели, искали, очевидно, и находили духовно-нравственную опору, доверялись ему как другу, с ним связывали свои радости и печали, веру и надежду, все само дорогое, сокровенное»⁵³.

Из такого понимания символики элементов культурного пространства города очевиден второй пласт, без которого невозможно ее историко-культурологическое прочтение — личностный. Символика «Места» и его деталей создается личностями профессионалов со своими представлениями об эстетических ценностях, о соответствии знаковых сооружений и планировки города, близости их повседневным и высшим потребностям человека, обитающего в данном месте.

Рассмотренные в двух описанных историографических блоках теоретические подходы свидетельствуют, что проблемное поле возможного историко-культурологического изучения интересующей нас темы за последние годы усложняется и приобретает несколько уровней, каждый из которых вполне самостоятелен и имеет разные масштабы. Так, **метафизический (макро-) уровень**, с вниманием к городу как целостности и к «Культуре Места», воплощенными в определенном уникальном для каждого города наборе и сочетаниях имен, знаков, символов, мифов его пространства, можно обозначить в качестве базового или исходного. Он **определяет общие контуры образа города**. Другой — конкретно-исторический — (микро-) уровень переносит действия исследователя на отдельные звенья «матрицы». Это наполняет и детализирует представленный «в типовых чертах» образ, позволяет увидеть динамику его изменений, приметы (они же черты/символы), свойственные пространству каждого конкретного города, рассмотреть их значение для «оживления не общего выражения».

В качестве перспективной исследовательской стратегии в этом случае возникает выявление результатов взаимодействия различных социокультурных процессов как символов и знаков, определяющих своеобразие советского города в качестве особого конкретно-исторического феномена. В то же время набор символов и знаков, их соотношение с другими координатами культурно-цивилизационного ландшафта каждого конкретного города позволит перейти к решению проблемы сох-

⁵³ Пивкин В. М. Новосибирские академики. Очерки об архитекторах Т. Я. Бардте, В. М. Тейтеле и К. Е. Осипове. Новосибирск, 2001. С. 7–8

ранения у городов «лица не общего выражения» как в условиях советской эпохи, так и в настоящее время. Тем самым открываются перспективы для междисциплинарного анализа роли интеллигенции в преобразованиях пространства любого «Места», в том числе в широкомасштабном, практически одномоментном и повсеместном изменении прежних ориентиров городского культурного пространства (реальных и символических), что было характерно для первых лет советской власти.

Первоначальными методами воплощения были топонимическая «революция» и план монументальной пропаганды. В Сибири первый пик этих решительных действий относится к концу 1919 — началу 1920-х гг. Следующая волна преобразований культурно-цивилизационного ландшафта пришлась на вторую половину 1920-х гг. и была инициирована, с одной стороны, активизацией социалистического строительства «сверху» (подготовка планов первой пятилетки и представления Центра о месте и роли в них отдельных регионов). С другой стороны, стимулирующими факторами стали дискуссии о социалистическом быте и разработка проектов создания социалистических городов с их особым пространством.

На 1930-е гг. приходится третья волна изменений в культурно-цивилизационном ландшафте городов СССР, связанная с утверждением «большого стиля» новой эпохи, с внедрением в культурное пространство городов обязательных символов, материализовавшихся образ «счастливой и веселой жизни». Затем существенные корректировки вносят экстремальные условия Великой Отечественной войны. Культурное пространство крупных городов-центров Западной Сибири деформируется, планировочные символы «соцгородов» уступают место вынужденным вкраплениям поселков при предприятиях ВПК. В послевоенные годы и вплоть до середины 1950-х гг. в «Культуре Места» доминируют идеологические символы, закрепляющие мифологию победившего социализма.

Обозначенная конфигурация проблемного поля требует поэтапного анализа в соответствии с выбранной стратегией конструирования образов советского города по двум выделенным уровням. Главным при этом остается обнаружение локальной специфики меняющихся смыслов и комбинаций символов как характерных черт образов крупных городов разных регионов в условиях упрочения ценностей советской эпохи и отношения к ним в современности для выявления степени утраты образов недавнего советского прошлого. Представленные в двух блоках авторских размышлений интеллектуальные конструкты — возможные варианты исследовательских междисциплинарных моделей изучения российского города советской эпохи — отражают накопленный сибирскими исследователями региональный опыт. Их востребование и применение к реалиям других регионов может оказаться полезным в контексте продвижения идей и практик современной интеллектуальной истории.